

Кевин со смешанным чувством поднял взгляд на фронтон, а затем переступил порог.

За дверью открывался огромный колонный зал. На каждой каменной колонне были высечены те же три животных, что и на фронтоне. Согласно Канону Богов, они служили символами трех великих верховных богов Эпохи Древних Богов: Феникс символизировал Фаэ, Шаманский змей — Фейсу, а Крылатый олень — Тенис.

Правда, каждое из этих трех животных было опутано вьющимися стеблями.

Кевин скользнул взглядом по исполинским колоннам и, смотря только перед собой, зашагал вглубь зала.

В колонном зале царила гулкая пустота. Звук его шагов ударялся о каменные стены и возвращался многократным эхом...

Раны на его теле по-прежнему то гноились, то затягивались, словно две невидимые силы вели внутри него нескончаемую борьбу, но сам он не обращал на это никакого внимания.

Каким бы просторным ни был колонный зал, вскоре он подошел к его концу.

Он толкнул рукой массивную каменную дверь, и перед ним предстал главный зал гробницы Фаэ.

На стенах по обе стороны зала красовались барельефы гигантских птиц в самых разных позах. Их крылья, казалось, вот-вот вырвутся из камня, но их удерживали и стягивали все те же вьющиеся стебли, словно обрекая на вечный плен. А в самой глубине зала, прямо перед глазами Кевина, высилась величественная статуя.

Статуя изображала стройного, красивого человека с мягко опущенным взором. В его благородном, священном облике сквозило нечто неуловимое...

Вокруг статуи буйно разрослись настоящие колючие заросли терновника — точь-в-точь такие же, как у входа в гробницу. Острые шипы и переплетенные ветви образовали густую сеть, опутавшую изваяние.

Кевин подошел к каменной чаше перед статуей, скрестил руки на груди и оглядел ее с ног до головы. Затем он усмехнулся краешком губ и пробормотал себе под нос:

— Впервые смотрю на нее под таким углом... Сходства, конечно, ни капли.

На самом деле, если оценивать чисто черты лица, статуя была похожа на Кевина процентов на семьдесят. Однако от разреза глаз до изгиба губ каждая резкая черта была смягчена. К тому же в его слегка склоненной голове, помимо святости, читалось глубокое сострадание ко всему существу, что совершенно не вязалось с привычным обликом Кевина — колючим, дерзким и порой откровенно несносным.

Стоя с ним лицом к лицу, никому и в голову не пришло бы связать их друг с другом.

Кевин не впервые видел эту «смягченную» версию себя, но в последний раз он так пристально ее рассматривал миллионы лет назад...

— И кто же это? — в те далекие времена Бог Света Фаэ стоял на берегу Священного озера Ана и, удерживая двумя пальцами листок тонкой бумаги, потряхивал им перед Тенис. — Лицом

вроде недурен, да только я его что-то не припомню.

На листе бумаги был изображен молодой мужчина со слегка склоненной головой. Угольный карандаш бережно выписал его мягкие черные короткие волосы, опущенные веки и едва заметную, легкую улыбку на губах.

Тенис, которая в этот момент кормила своего любимого однорогого оленя спелыми алыми ягодами, услышав слова Фаэ, закатила глаза и шлепнула зверя по крупу:

— И ради чего я столько мучилась? Ты что, себя не узнаешь?

От этого шлепка однорогий олень резво сорвался с места и напрямик помчался на Фаэ. Тот не успел уклониться, и рог зверя пришелся ему точнехонько под дых, отчего у Бога Света аж дыхание перехватило.

Но даже будучи тяжело раненным, он не упустил случая napроситься на неприятности. Прищурившись, Фаэ отодвинул листок подальше, словно ослеп, поразглядывал его еще немного и выдал:

— Прости, но этот смазливый юнец совсем на меня не похож. Ты как минимум изобразила меня куда шире, чем я есть.

Тенис выхватила бумагу из его рук и недовольно фыркнула:

— Это называется «мягкость»! Я всего лишь скруглила твои резкие черты, чтобы ты выглядел более дружелюбным.

— Дорогая сестра, ты портрет рисовала или лицо мне перекраивала?

Тенис достала чистый лист бумаги и припечатала его к его груди:

— Ладно-ладно, твоя правда. Вот тебе чистый лист, покажи мастер-класс, нарисуй образец!

Фаэ без лишних слов достал жесткое перо, закрепил бумагу на планшете из боярышника и, заведя одну руку за спину, принялся увлеченно делать наброски. Надо признать, держался он при этом невероятно изящно и вальяжно — зрелище было хоть куда.

Тенис, стоявшая с обратной стороны мольберта, лишь мельком взглянула на него и вернулась к кормлению оленя оставшимися ягодами.

Как раз в тот момент, когда последняя сочная алая ягода исчезла в пасти оленя, Фаэ отложил перо и, вздернув подбородок, объявил:

— Готово.

— Так быстро? Ну-ка покажи... — Тенис прогнала оленя резвиться и подошла к лицевой стороне планшета.

На превосходном листке бумаги красовалась жуткая рожа, страшнее самого черта. Из-за нелепых теней, которые Фаэ нанес как попало, щеки персонажа глубоко ввалились, глаза получились разного размера и совершенно несимметричными, а на голове вырос жуткий ворох, куда растрепаннее птичьего гнезда...

— Твой портрет выглядит так, словно этот бедолага либо смертельно отравился, либо изнурен

пороками. И у тебя еще хватает наглости заявлять, будто у меня вышло непохоже! Да, и ответь, пожалуйста, откуда у тебя взялась борода до самого пола? — с каменным лицом спросила Тенис.

Фаэ без тени смущения понес чепуху:

— А мне кажется, борода Фейсы придает лицу благородство и мудрость. Решил с завтрашнего дня отращивать такую же.

Тенис с бесстрастным лицом забрала листок бумаги и указала пальцем на вершину горы на севере:

— Ступай-ка ты обратно в свой Храм Бога Света, прямо мимо своих восьми колонн.

Короче говоря, послала его одним словом: «катись».

И прекрасный Бог Света изящно покатился прочь, оставив после себя лишь удаляющуюся высокую, стройную фигуру.

С тех пор прошло немало лет. В один из погожих полдней в начале лета Тенис вернулась из странствий, держа за руку маленького мальчика, который едва доставал ей до бедра.

У малыша были мягкие, послушные черные кудряшки, темные, как уголь. Из-за хрупкого телосложения его блестящие, словно виноградины, круглые глазки казались огромными.

— Откуда взялся этот малец? — спросил Фейса, поглаживая бороду.

Он приходился Тенис и Фаэ старшим братом. По правде говоря, чертами лица он мало отличался по возрасту от двух других верховных богов, но из-за окладистой длинной бороды выглядел гораздо старше них, преждевременно обретя добродушный и почтенный вид.

К сожалению, одного лишь доброжелательного вида было недостаточно: мальчик оказался на редкость пугливым. Облаченный в просторный белый балахончик, он вцепился в подол длинного платья Тенис и прятался за ее спиной, робко выглядывая лишь наполовину.

— Сама родила, — с улыбкой ответила Тенис.

У Фейсы дрогнула рука, и он чуть не выдрал себе клоч бороды:

— От кого?! Где?! Когда?!

Тенис склонила голову набок:

— Угадай.

Не успел Фейса и рта открыть, как лениво прислонившийся к дереву Фаэ уже подал голос:

— Бог вина Моя? Нет, он слишком смуглый, от него такой белокожий не родился бы. Бог ветра Уно? Тоже вряд ли, он коротконогий, пропорции совсем не те. Может, бог реки Манэр? Да нет, он же...

— Еще слово — и я разнесу твой храм по кирпичику, — не выдержав, оборвала его Тенис.

Позволь она этому наглецу договорить, и завтра же другие младшие божества устроили бы

бунт и разгромили его обитель.

— Что, уже не играем в угадайку? — лениво приподняв веки, с усмешкой спросил Фаэ.

Тенис раздраженно фыркнула:

— Перестань паясничать! Я его не рожала, а создала. Когда я проходила через Равнину Сута, там как раз пышно цвели плетистые розы. Я собрала лепестки, листья, добавила шипов и сотворила этого малыша. Зимой на Священном озере Ана слишком тоскливо, а с ним будет хоть немного веселее.

— ...Ты уверена? — спросил Фаэ.

Мальчуган за все время не проронил ни звука — до веселья тут явно было далеко.

Тенис как-то странно посмотрела на Фаэ, затем перевела взгляд на прячущегося за ней ребенка и со вздохом произнесла:

— Я создала его по твоему подобию. Ты ведь в детстве тоже был таким послушным и застенчивым. Почему же ты вырос в такое недоразумение?

Фаэ молча уставился на приемыша и через мгновение снова переспросил:

— ...Ты точно уверена?!

Фейса согласно закивал:

— То-то же! Я еще подумал, от кого ты могла родить копию Фаэ. Разве что у Фаэ волосы прямые, а в остальном — одно лицо.

— Я назвала его Мело, — добавила Тенис.

Мело рос невероятно медленно. Он прожил на Священном озере Ана долгие годы, но по-прежнему выглядел маленьким мальчиком. Пожалуй, единственным изменением стало то, что он перестал так сильно бояться чужаков, хотя все еще оставался крайне застенчивым.

Длинные ноги Фаэ служили для него живым ростоммером. Всякий раз, когда они вставали рядом, Фаэ сводил два пальца, показывая едва заметную щелочку, и говорил маленькому Мело:

— Увы, в этом году ты подрос всего на столько. С такими темпами тебе понадобится еще тысяча лет, чтобы хотя бы достать мне до подбородка.

<http://bllate.org/book/18285/1753217>